Дубинин Ю.В. Россия – Украина: переговоры об обеспечении жильем военнослужащих, возвращавшихся из Германии. 1992 год / Ю.В. Дубинин // Новая и новейшая история. – 2004. – № 2. – С.119-134.

Ю. Дубинин

Россия – Украина: переговоры об обеспечении жильем военнослужащих, возвращающихся из Германии. 1992 год.

Ликвидация Советского Союза породила бесчисленное множество проблем на постсоветском пространстве. Наиболее масштабными из них стали проблемы между Россией и Украиной. Их решение потребовало сложных переговоров, которые были важны не только для народов двух стран, но и для международных отношений в более широком контексте. Такими переговорами я занимался, начиная с 1992 года, более семи лет в качестве руководителя Государственной делегации Российской Федерации, заместителя Министра иностранных дел и, наконец, посла России в Украине в ранге заместителя Министра иностранных дел. В предлагаемом вниманию читателей рассказе речь идет о том, как российско-украинские договоренности помогли выводу наших войск из Германии и обеспечению возвратившихся на Родину военнослужащих достойными жилищными условиями. Рассказ этот документальный: он построен на официальных материалах, многие из которых доводятся до сведения широкой общественности впервые.

☼☼☼

Мой телефон звонит так редко, что каждый разговор – почти событие. Тем более, когда, удостоверившись, что на трубке именно я, мне деловито сообщают: с вами хотят поговорить из Министерства обороны.

– Полковник Петров Вадим Николаевич, доносится до меня, – Заместитель Начальника Главного Квартирно-Эксплуатационного Управления. Прошу вас, Юрий Владимирович, принять нас с полковником Богословским Владимиром Николаевичем, он тоже Заместитель Начальника Управления. У нас к вам важный разговор. Назовите любое удобное вам время. Желательно поскорее. Вопрос срочный. Все доложим при встрече.

Четкий военный стиль, включая и слово "доложим". При всей неожиданности обращения, задавать после услышанного уточняющие вопросы неловко – могут ответить: нетелефонный разговор, тем более что связь у меня обычная городская. Я ответил, что готов встретиться утром следующего дня. В тот момент – это было начало 1992 года – Министерство иностранных дел, не успев оправиться от быстротечного вторжения такого пришельца, как Б. Панкин, испытывало теперь последствия потрясений, вызванных ликвидацией Советского Союза. Говорили, что "наверху" была брошена короткая команда: "разогнать". Она, конечно, должна была коснуться в первую очередь тех, кто занимал более или менее заметное положение в советской дипломатии. Но где-то там же "наверху" возник вопрос: "а кто будет работать?!". Все-таки что ни говори, а дипломатия – профессия.

После этого появился приказ по МИДу, разрешавший, с оговорками, использовать кадры советской дипломатической службы, на временной основе. Многих из них бросили на работу со ставшими независимыми республиками Советского Союза. Теперь их называли странами "ближнего зарубежья", или Содружества Независимых Государств. Проблем там было множество. Наши более молодые коллеги, особенно те, которых судьба нежданно – негаданно подбросила на много ступеней по служебной лестнице вверх в руководящие кабинеты министерства, этих проблем чурались. Сложные это были проблемы и колючие. Они не только не сулили лавров, они были рискованными.

Я на работу с "ближним зарубежьем" смотрел иначе. Был убежден в ее огромном значении для будущего России, да и не только России. Конечно, поле было неизведанным

и не без мин, но это только добавляло привлекательности этой сфере деятельности. Поэтому я с интересом воспринял назначение меня руководителем Государственной делегации по переговорам с Украиной. Правда, никаких конкретных поручений в этой связи ко времени, когда раздался телефонный звонок из Генштаба, я не получил.

☼☼☼

Полковники вошли точно в условленное время. В. Петров – среднего роста, атлетического сложения, черноволосый с открытым взглядом живых глаз и быстрой речью – сгусток энергии. В. Богословский побольше ростом, умные глаза, мягкие движения, рассудительная речь. Прекрасное сочетание характеров для совместной работы, – мелькнуло у меня в голове.

– Дело у нас к вам непростое, – пускается без обиняков В. Петров. Посудите сами к исходу 1994 года необходимо вывести из Германии Западную группировку войск. Всю. Задача труднейшая, потому что это была самая крупная группировка Советского Союза. Много, очень много людей.

Полковник перевел дыхание

– А выводить их, – продолжал он с расстановкой, – некуда. – Да, да, некуда, – подчеркнул собеседник, – видимо заметив на моем лице тень недоумения.

Воинские части скорее всего будут расформированы, рядовой состав будет демобилизован, но сколько в группировке офицеров и прапорщиков! Золотой фонд армии. Этим людям еще служить и служить. К тому же они там с семьями. Как быть с ними?! Российская территория для их приема не обустроена. В Советском Союзе Россия с точки зрения дислокации войск была не просто тылом, а тылом глубоким: здесь находились штабы, ракетные и военно-воздушные базы, учебные заведения, резервы, но никак не военные городки. Кто мог думать-предполагать, что на российской территории придется размещать сколько-нибудь значительное количество сухопутных войск? Теперь же такой вопрос встал и встал остро. Офицеров с семьями, возвращающихся с женами и детьми из благоустроенных наших военных городков в Германии, в палатках не поселишь.

Петрову не откажешь в выразительности изложения. Наш разговор происходит в начале марта, за окном еще мороз. На стеклах ледяной узор. А если, в самом деле, все это в палатке, в чистом поле, открытом всем ветрам?!

– Выход один, – говорит В. Петров. – Нужно строить. Строить целые городки для офицеров и прапорщиков. Много городков. Строить срочно, форсированным темпом, чтобы успеть их возвести к моменту возвращения войск. В общем, так это и предполагалось во времена Советского Союза. Вот смотрите. В. Петров показывает мне Соглашение между правительствами СССР и ФРГ " О некоторых переходных мерах ". – Это, – говорит он, – соглашение, вытекающее из договоренностей об объединении Германии. Оно от 9 октября 1990 года. На основании этого соглашения была разработана специальная Программа жилищного строительства. По Программе предусматривалось построить за счет средств германской стороны не менее 36 тысяч квартир в 33 военных городках на европейской территории Советского Союза, то есть в России, Украине и Белоруссии, а также 4 домостроительных комбината для обеспечения строительства жилья собственными силами. Все это предназначалось для войск, которым предстояло покинуть Германию. На эти цели Германия выделяла 7 млрд. 800 млн. нем. марок. Сумма немалая, тем более средства эти прямо предназначались для армии. Их не надо было бы, как говорится, выбивать из государственного бюджета. Разработан был и типовой проект для таких военных поселений. Это действительно городки. Не просто жилые дома или даже жилые кварталы, а поселения со всей необходимой инфраструктурой – магазинами, поликлиниками, школами, детскими садами, спортивными площадками и т. д. Более того, квартиры строителями должны сдаваться с мебелью, готовые для жизни офицера с семьей, переместившегося на тысячи километров.

В. Петров увлекся. Он рассказывал, что строить городки должны строительные компании, победившие на тендерных, то есть на открытых соревнованиях, конкурсах, тендерах строгих. Даже для того, чтобы стать их участником, строительным компаниям – они могут быть из самых разных стран, в том числе, конечно, и из России, требуется пройти квалификационный отбор. Очень жесткий. Все это ставит на большую высоту и планку качества, и экономичность строительства. Выполнение Программы, поясняет В. Петров, началось сразу после ее принятия. Активнее всех действовали белорусы. Они быстро развернули строительство городков, которые предполагалось создать на их территории. Неплохо продвигается создание двух городков на Украине. Россия подотстала. Но если бы дело было просто в отставании – это полбеды, – вздохнул В. Петров. Нам не впервой отставать и нагонять. Все оказалось значительно сложнее. После ликвидации Советского Союза, взялся пояснять В. Петров, обстановка с выполнением Программы изменилась в корне. Россия, Украина, Белоруссия превратились в независимые государства. Встал вопрос и о распределении выделенных Германией средств между ними и о том сколько и где именно теперь строить городков. Если учесть, что средства, предназначенные для Белоруссии, уже почти полностью задействованы, то вопросы эти касаются главным образом России и Украины. И они оказались архисложными. Украина претендует на львиную долю средств. В Киеве придали вопросу огромное значение, действовать взялись энергично. Не кто – нибудь, а сам президент Украины Л. Кравчук совершил визит в Бонн, где поставил перед канцлером Г. Колем вопрос о закреплении за Киевом 52% всех выделенных Германией денег. Правда, вернулся Л. Кравчук из Бонна ни с чем: как рассказали наши друзья в Киеве, – уточнил В. Петров, – канцлер посоветовал украинскому президенту решить вопрос о распределении средств в переговорах с Россией, отметив, что Германия согласится с любым результатом таких переговоров. Пока же, то есть до тех пор, пока Россия и Украина не договорятся, финансирование строительной программы Германия заморозила. Выполнение Программы, – грустно заметил В. Петров, – замерло.

Министерства обороны России и Украины, – продолжил полковник , – разговоры начали. Но они оказались крайне трудными. Л. Кравчук уже успел письменно нажаловаться на российских военных Б. Ельцину. Пришлось объясняться. Ко всему этому несколько дней назад встревоженный Г. Коль обратился и к Б. Ельцину, и к Л. Кравчуку со специальными посланиями. Он озабочен тем, что задержка с выполнением Программы может осложнить вывод войск из Германии. В общем, – подытожил В. Петров, – сейчас в тупике не только создание жилых городков, но и сами переговоры по этому вопросу.

В. Петров перевел дух. По мере его изложения я все больше проникался пониманием сложности положения, в котором оказывалась наша армия, но еще не отдавал себе отчета, почему этот разговор посетители вели со мною. Впрочем пояснение последовало быстро.

– Мы пришли, – заявили полковники, теперь они говорили хором, – просить вас, Юрий Владимирович, взять ведение переговоров на себя.

Поворот был неожиданным. Мне не раз приходилось получать задания по выполнению тех или иных дипломатических миссий, но это всегда происходило в кабинетах начальства. Первый раз вопрос о такой миссии передо мной поднимали те, кто был прямо заинтересован в ее результатах, и делали они это в виде просьбы, на которую я мог ответить как сочту удобным. Но, может быть, именно поэтому я счел невозможным ответить отказом. В месте с тем я ощущал и трудность, и масштабность проблемы, и поэтому заметил, что для этого потребовалось бы специальное решение Российского правительства и создание делегации.

– Разумеется, – поспешили заявить В. Петров и В. Богославский, но все это мы берем на себя. От вас потребуется только согласие. Если вы говорите "да" мы начинаем действовать немедленно.

Конечно я сказал "да" и не без удивления обнаружил, что всего через каких-то несколько дней на мой стол легло Распоряжение правительства от 18 марта 1992 года, подписанное Первым заместителем Председателя Правительства Г. Бурбулисом (Председателем Правительства, как известно был Б. Ельцин) о создании российской делегации для ведения переговоров с Украиной и Республикой Беларусь по разработке проекта межправительственного соглашения об урегулировании финансово-экономических вопросов, связанных с обустройством на территории Российской Федерации, Украины и республики Беларусь соединений и частей Западной группы войск, выводимых из ФРГ. Я в качестве посла по особым поручениям назначался руководителем делегации. В делегацию были включены Н.П. Алчебаев – Первый заместитель Председателя Госэкономкомиссии, генерал-лейтенант В.М. Журбенко – заместитель главного управления Генерального Штаба Объединенных Вооруженных Сил Содружества Независимых Государств (ОВС СНГ), Н.И. Котылев – начальник Главного квартирно-эксплутационного управления ОВС СНГ. Ответственным секретарем делегации был назначен В.А. Сорокин мой помощник, второй секретарь МИДа.

Распоряжение завершалось фразой о том, что по достижении договоренности мне предписывалось парафировать проект межправительственного соглашения.

Полковники В. Петров и В. Богославский в Распоряжении не назывались. В состав делегации был включен руководитель их подразделения, но именно с ними и с генерал-лейтенантом В. Журбенко мне предстояло заниматься повседневной работой, связанной с переговорами. К этой работе я подключил также еще одного сотрудника моего секретариата В. Леженя. Я находил также всемерную помощь и поддержку 2 Департамента СНГ и 3 Европейского департамента МИДа всегда, когда в этом возникала малейшая потребность.

Суть директив к переговорам – их утвердил от имени Министерства обороны П. Грачев, который был в то время Первым заместителем министра, состояла в том, что наша делегация при распределении средств, выделяемых Германией на финансирование Программы специального жилищного строительства, могла согласиться на закрепление за Украиной от 8,6% до 14% общей суммы в 7,8 млрд. нем. марок. Для Белоруссии вилка составляла между 4,8% и 5% . В основе этой установки лежало два соображения: одно – предполагаемое соотношение между выводимыми из ФРГ на территории России, Украины и Белоруссии контингентами войск; другое – пропорция количества военнослужащих Западной группы войск, выводимых на территорию этих стран, как она была определена решением глав правительств Республик Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации и Украины от 14 февраля 1992 года по выполнению статьи 4 Советско-германского соглашения о профессиональной переподготовке военнослужащих ЗГВ.

Разница между заложенной в директиве позицией и заявленной позицией Украины, которая претендовала на 52% всей выделяемой Германией суммы – была сравнима с пропастью. Перебросить через эту пропасть мост в виде соглашения, то есть в виде договоренности, под которой согласились бы поставить свои подписи и Москва, и Киев, было невероятно сложно. Но именно такая задача была поставлена нашей делегации.

Перед началом переговоров всегда полезно составить их концепцию, своего рода план дипломатической компании с правовым обоснованием позиции, программой максимум и возможным компромиссным итогом переговоров, тактикой движения к цели. Без таких ориентиров трудно делать даже первый шаг без риска оступиться. Вместе с тем данных для того, чтобы составить подобную диспозицию мне не хватало. Украинскую позицию я представлял плохо, поэтому решил начать действовать быстро, но осторожно.

О создании нашей делегации мы проинформировали Киев в тот же день, когда было подписано Распоряжение Российского Правительства – 18 марта, предложив незамедлительно начать переговоры. Кроме того, я, не теряя времени, связался с тем, кому в Киеве было поручено вести переговоры с нами. Это был Владимир Захарович

Борисовский – министр строительства и инвестиций Украины, имевший статус государственного министра, то есть по существу заместителя премьер-министра. Он же руководил и осуществлением всей специальной Программы жилищного строительства на Украине – то есть был человеком, обличенным весьма широкими полномочиями.

В. Борисовский тотчас же пригласил меня приехать в Киев, что я и сделал с тем, чтобы познакомиться и провести предварительный обмен мнениями, иными словами почувствовать партнера, понять его замыслы, послушать аргументы. Разумеется, в украинскую столицу мы отправились вместе с В. Журбенко, В. Петровым, В. Богославским и В. Сорокиным.

Кабинет у В. Борисовского находился в здании правительства Украины. Здание монументальное, стоит на кручах, поднимающихся на правом берегу Днепра. Через большое, чуть ли не во всю стену кабинета окно открывается захватывающий вид и на Днепр, и на левобережные равнинные просторы. Не успели мы пожать друг другу руки и расположиться за большим, предназначенном для переговоров столом, как с письменного стола, стоявшего в другом конце кабинета, раздался требовательный начальственно звучащий телефонный звонок.

– Прошу извинить, – сказал В. Борисовский, – президент.

Это и в самом деле был Л. Кравчук, с которым хозяин кабинета довольно долго обсуждал какие-то проблемы. Было видно, что с президентом у него хороший прямой контакт. Так что партнер у меня был человеком авторитетным, обличенным самыми высокими полномочиями.

Вернувшись к нам, В. Борисовский бурно приветствовал наш приезд. Заодно он пустил немало стрел в бюрократов, конечно, московских, которые все запутали, заволокитили и могут своим крючкотворством сорвать выполнение плана огромной государственной важности.

Собеседник производил впечатление масштабного хозяйственного руководителя, очень энергичного. Не без хитринки. Голос его звучал напористо, решительно. В то же время, он умел, как это водится на Украине, украсить свою речь то острым словечком, то шуткой, что придавало ей еще больше выразительности.

– Скажу вам прямо, Юрий Владимирович, – заявил он, развивая дипломатическое наступление, – не верьте вы разговорам будто Украина отказывается принимать у себя войска, выводимые из Германии. Неправда это. Хочу вам совершенно официально заявить: Украина примет все войска, которые предусмотрены планом к размещению на ее территории. Более того, мы готовимся принять их хорошо, построив необходимое количество жилья. Для этого уже подобраны строительные площадки, власти соответствующих городов приняли решения об отводе соответствующих земель, полным ходом идет подготовка строительной документации.

– Вот, посмотрите, – произнес он и с этими словами перенес с письменного стола на наш стол высокую стопку бумаг, которые были призваны подтвердить сказанное им.

– Если хотите, вы можете со всем этим ознакомиться. Махнув рукой в сторону окна, он продолжал: – На дворе весна. Надо разворачивать работы. Надо срочно открывать финансирование, а вместо этого мы погрязли в пустой переписке. Полюбуйтесь сами, – бросил В. Борисовский, и теперь передо мной оказалась другая стопка бумаг, пониже первой, но тоже внушительная.

– Это все письма, которые мы гоняем из Киева в Москву и обратно, а выполнение плана давно стоит на мертвой точке, и нас за это по головке не погладят. В общем, хорошо, что вы здесь, – поощрительно заметил он. Давайте во всем разберемся и двинем дело вперед.

Подтекст всего сказанного предельно прост: требуется согласие России, чтобы разблокировать германские миллиарды, которые Украина готова пустить в ход незамедлительно.

Я был в душе признателен В. Борисовскому за то, что в течение нескольких минут он сумел, даже без вопросов с моей стороны раскрыть всю суть украинской позиции. Я, конечно, обратил внимание на частое употребление им слова "план". В Москве, наскоро брифингуя меня перед выездом в Киев, мои друзья из Министерства обороны говорили мне о каких-то первоначальных замыслах вывода войск из Германии, об их последующих изменениях. Но в высказываниях В. Борисовского понятие "план" звучало как нечто конкретное, как какой– то действующий документ, который мы вместе должны были осуществить на практике. В этом следовало разобраться прежде всего мне самому в Москве с Министерством обороны. Это был один из главных выводов из того, что сказал В. Борисовский.

Пока же, отвечая В. Борисовскому, я привлек его внимание к главному принципу, лежащему в основе межправительственного соглашения между СССР и ФРГ от 9 октября 1990 года, а именно: жилищное строительство при финансовом участии Германии осуществляется "для выводимых советских войск" из Германии. В этой связи я спросил располагает ли В. Борисовский сводными данными насчет того сколько наших войск выведено или будет выведено на территорию Украины. Пояснил важность таких данных, поскольку объемы строительства жилья по специальной Программе должны определяться с опорой именно на такие реальные сведения.

К такому повороту разговора В. Борисовский либо был не готов, либо счел, что разговор в такой плоскости мог оказаться неудобным для него. Во всяком случае, он ответил, что таких данных у него под рукой нет.

Я предложил, чтобы мы подготовили такие данные к официальным переговорам наших делегаций, которые я предложил провести в Москве. Говорил я без нажима, но так, что В. Борисовский видимо понял: без этих данных предметного разговора у нас не получится, и что поэтому стопки приготовленных им документов становились невостребованными. Он нехотя согласился со мной, упомянув, правда, еще пару раз слово "план".

Оставалось только распрощаться, когда сидевший рядом полковник В. Петров шепотом попросил меня не заканчивать встречу, а сделать короткий перерыв: мол, есть идея! Я так и поступил. В. Борисовский не возражал.

Во время перерыва В. Петров, немного смущаясь, предложил провести разговор только между военными, входившими и в нашу и в украинскую делегацию, то есть без моего и В. Борисовского участия.

– Я чувствую, – пояснил В. Петров, – что мы между собой договоримся, а потом, конечно, доложим руководителям делегаций.

В свете состоявшегося общего обмена мнениями это звучало парадоксально, но разве не парадоксальным было в те дни многое другое, хотя бы тот факт, что Россия и Украина сидели по разные стороны стола переговоров.

Я согласился. В. Петров скрылся за дверью, а я отправился на прогулку по просторным коридорам здания Кабинета министров, как на Украине называют правительство.

Прошло немало времени, прежде чем дверь кабинета, в котором уединились военные (среди них был и генерал-лейтенант В. Журбенко) вновь открылась и из нее появился раскрасневшийся, с трудом сдерживающий возбуждение, полковник В. Петров.

– Ничего не вышло, Юрий Владимирович, – произнес он сокрушенно. Только спор, безысходные препирательства и никакого результата. Тупик.

Этот эпизод еще больше укрепил меня во мнении, что нас ждут сверхсложные переговоры, к которым нужно хорошо подготовиться.

Пока же мы снова сели за стол в кабинете В. Борисовского в полном составе, чтобы по-хорошему попрощаться, условившись, что перед встречей в Москве мы будем в рабочем порядке обмениваться полезной для переговоров информацией.

☼☼☼

План, на который так напирал В. Борисовский, оказался документом весьма важным. Это была немало – немного директива Генерального Штаба Советского Союза о порядке вывода войск из Германии и их размещения на территории СССР, в соответствии с чем определялись и мероприятия по обеспечению этих войск всем необходимым, в первую очередь жильем. Большую часть войск, согласно этому плану предполагалось разместить на Украине. Соответственно из 33 военных городков, которые имелось в виду создать в рамках специальной Программы жилищного строительства, то есть с привлечением средств, выделяемых Германией, 17 городков на 18 610 квартир намечалось расположить на украинской территории, 8 – в России и 8 в Белоруссии.

Кроме этого предусматривалось построить 4 домостроительных комбината мощностью по 100 тыс. кв. метров жилья каждый, один из которых также имелось в виду разместить на Украине.

Изучая этот план, который мне принесли на ознакомление в Москве, я яснее понимал, откуда взялось требование Киева закрепить за Украиной 52% всех выделенных Германией на финансирование Программы средств, и почему В. Борисовский так часто повторял слово "план" в разговоре в Киеве.

Мои военные коллеги обращали мое внимание на то, что план составлялся применительно к потребностям СССР – единого государства, оборонительная доктрина которого предусматривала создание наиболее сильной группировки войск в пределах Белоруссии и Украины, примерно по той же линии, по которой войска размещались в 1941 году. В связи с этим именно в эти республики намечалось переместить наибольшее число частей и соединений из Германии. Но с ликвидацией Советского Союза, говорили они, положение изменилось. Войска выводятся теперь главным образом в Россию. К тому же 6 марта 1992 года Западная Группа Войск вообще перешла под юрисдикцию России. Как же можно требовать, чтобы жилье строилось на Украине, когда войска будут размещаться в России? Это просто-напросто несправедливо!

Это было то самое искреннее и чистосердечное недоумение, которым, видимо, руководствовался и В. Петров тогда, в Киеве, когда он говорил мне: оставьте нас военных одних, мы сразу поймем друг друга и быстро договоримся.

Увы! В Киеве рассуждали иначе. Там не видели необходимости в пересмотре планов вывода войск и размещения жилых городков. Президент Украины в письме Б.Н. Ельцину бросал в этой связи упрек нашему Министерству обороны в том, что оно самовольно меняет намеченные планы. Не берусь судить насколько Киев в самом деле был заинтересован в том, чтобы принять все первоначально планировавшиеся к выводу на украинскую территорию части и соединения Западной Группы Войск, но его стремление к получению всех или, во всяком случае, как можно большей части средств, которые выделялись Германией под размещение этих войск, было очевидным и очень сильным. Преодолеть коллизию можно было только путем достижения согласия между Россией и Украиной. И сделать это требовалось нам самим, то есть Москве и Киеву, потому что не было над нами никакого арбитра, никакой, способной вершить суд высшей силы. Я предполагал, что многое в возникших между Москвой и Киевом сложностях могло проистекать из недоразумений, ставших результатом скоротечного и сумбурного развала Советского Союза. Это вселяло в меня надежду на то, что путем терпеливой работы мы сумеем придти к согласию. Помочь этому могло выявление всех правовых аспектов возникшей ситуации. В этой связи я поставил перед моими военными коллегами вопрос: кем и когда было принято решение об изменении плана вывода войск из Германии. Мои друзья, участвовавшие в совещании, оказались в затруднительном положении. Они были в курсе оперативных указаний, приказов о перемещении войск, которые уходили из Москвы в Западную Группу Войск, не сомневались, что все это делалось – иначе, мол, и быть не могло – по согласованию с Президентом России, но никто не припоминал какой-нибудь директивы общего характера. Впрочем, нет! Один из них, не помню, кто именно, заметил

вполголоса, что слышал о такого рода документе, документе сверхсекретном и довольно давнем, во всяком случае, еще советских времен, однако, сам он этого документа не видел.

Я, разумеется, взялся пытливо расспрашивать, что могло быть в этом документе, а главное, где можно его отыскать.

– В документе, кажется, говорилось, – слышу я, – как раз об изменениях направлений вывода войск, но в Министерстве обороны документ найти вряд ли удастся. Это вроде бы был документ президента то ли СССР, то ли РСФСР, а такие бумаги, как известно, подлежат возвращению после ознакомления.

Я обратился к моим военным коллегам с настоятельной просьбой перевернуть землю и небо, но найти этот документ или, по крайней мере, его след.

Через некоторое время мне принесли совсем короткий текст. Назывался он: "О выводе Западной группы войск из Германии". Это именно то, что надо! Что же дальше? А дальше следует лаконичная вводная фраза: "В связи с изменением общественно-политической обстановки считать необходимым"…. После этого формулируется указание, прямо относящееся к предмету наших переговоров. Оно гласит: "Генеральному штабу Министерства обороны СССР до 1 ноября 1991 года пересмотреть ранее принятое решение по размещению выводимых частей и соединений ЗГВ, имея в виду их передислокацию в основном на территорию РСФСР ".

Под текстом две подписи: министра обороны Е.И. Шапошникова и Первого заместителя председателя Совета Министров [РСФСР – Ю.Д.]
О.И. Лобова.

Наверху страницы читаю слева: "Утверждаю" Президент СССР М.С. Горбачев. Справа – "Утверждаю" Президент РСФСР Б.Н. Ельцин. Обращает на себя внимание дата под подписями двух президентов – "15 октября". Уточним: речь идет о 15 октября 1991 года.

Я под большим впечатлением. Переношусь мысленно к середине октября 1991 года. Наше государство еще едино и борьба за сохранение его целостности продолжается. Вместе с тем кто-то думает не только о событиях текущих, но и просчитывает варианты возможного их развития, более того делает далеко идущие выводы насчет практических действий на случай неблагоприятного развития ситуации. Кто этот "кто-то", то есть человек, которому первому пришла мысль ставшая истоком директивы? На этот вопрос мне никто ответа не дал[*]. Но главное в том, что такая директива была. Она была оформлена в виде документа, защищенного самым строгим грифом секретности, кажется как документ "Особой папки". Мне принесли только ксерокопию этого документа. Скорее всего, это была рабочая копия, припасенная кем-то из запасливых генштабистов, поскольку самого документа, как бумаги официальной в генштабе не оказалось: ее действительно вернули в высшие инстанции, туда, где она была утверждена.

Главная ценность документа для наших переговоров состояла в том, что решение об изменении первоначальных планов дислокации выводимых из Германии войск, в соответствии с которым подавляющая часть войск должна была с согласия руководства России, размещаться на российской территории, было принято в то время, когда и Россия и Украина были частями единого государства. Решение было принято Президентом Советского Союза и имело, таким образом, общегосударственное значение. Именно на этом основании опять-таки еще во время существования Советского Союза был скорректирован график вывода Западной Группы Войск. Как вывод из этого – строительство жилых городков за счет выделенных правительством ФРГ средств было решено сконцентрировать в России.

Теперь появилась возможность наметить цельную концепцию ведения переговоров. Эта концепция состояла в следующем:

---

[*] Только в 2003 году, работая над данным очерком, я узнал от О.И. Лобова, что инициатором принятия такого решения был он.

– Директива от 15 октября наряду с базовыми соглашениями между СССР и ФРГ становились основой позиции Российской Федерации.

– С учетом того, что на территорию Украины выводилось согласно уточненному плану 7,4% находящихся в Германии войск, такой же могла быть и ее доля при использовании средств, выделенных Германией на строительство жилых городков.

– Наконец, принимая во внимание, что партнером по переговорам была братская Украина, мы считали важным завершить их на дружеской ноте. С этой целью предполагалось сделать шаг навстречу Украине. Он мог заключаться в нашем согласии на создание на Украине одного домостроительного комбината. Вместе с тем такой жест следовало сделать лишь в тот момент, когда переговоры примут действительно конструктивный характер, и можно будет надеяться этим шагом доброй воли с нашей стороны полностью разрешить всю проблему. До того, как такой момент настанет, мы имели в виду говорить на переговорах, что изменение обстановки делало беспредметным и создание домостроительного комбината на Украине.

Сформулированная таким образом концепция была доведена до сведения Президента. Вопрос о ее формальном одобрении не ставился, но важно было то, что она не вызывала с его стороны возражений

Главный ее элемент – обоснование изменений планов вывода войск из Германии был вскоре доведен до сведения канцлера Г. Коля в послании, которое 8 апреля Б.Н. Ельцин направил ему в ответ на его послание от 6 марта.

Я поставил вопрос о том, чтобы мне было разрешено не только довести до сведения Киева через В. Борисовского содержание решения от 15 октября, но и передать ему копию этого документа при встрече наших делегаций.

Пока военные занимались решением этого вопроса, в развитии обстановки вокруг переговоров возникло новое обстоятельство. Из Западной группы войск поступила информация о том, что Украина направила туда группу своих эмиссаров. Эмиссары получили доступ к личным делам офицеров и прапорщиков, тщательно изучают эти дела, выявляя любые моменты которые могут связывать тех или иных офицеров и прапорщиков с Украиной, и затем агитируют таких людей подавать рапорты с пожеланием после Германии выезжать на постоянное место жительства на Украину. При этом в качестве привлекающего аргумента используется обещание предоставлять таким людям комфортабельные квартиры в жилых городках, которые должны быть построены при финансовом участии Германии.

Замысел такой операции разгадывался без труда. В Киеве обратили внимание на высказанное мною пожелание получить точные данные о войсках, реально перемещаемых из Германии на Украину. Таких войск было мало, и поэтому там решили подготовить и передать нам другие данные – не о войсках (то есть частях и соединениях, организованно перемещаемых из Германии), а о всех офицерах и прапорщиках в индивидуальном порядке, в силу личных соображений выбиравших Украину в качестве места проживания после завершения пребывания в Германии. Право на такой выбор у офицеров и прапорщиков, разумеется, имелось, однако, они не подпадали под действие соглашения между СССР и ФРГ о реализации специальной Программы жилищного строительства, а стало быть и права на обеспечение жильем за счет этой Программы у них не было. В связи с этим действия Киева не могли изменить сути вещей, но вели к осложнению и затяжке переговоров.

Я счел необходимым доложить вопрос руководителю Российского правительства. Г. Бурбулис принял меня с несколькими генералами. Проводимая украинцами работа в ЗГВ вызывала у него недоумение. Украина проявила большую щепетильность во всем, что могло касаться ее суверенитета и независимости. Вместе с тем Западная группировка войск была частью армии Российской Федерации – государства тоже суверенного и независимого и возникал вопрос: насколько корректна была проводимая там украинцами работа. Г. Бурбулис поинтересовался у генералов, на каком основании украинцы

действуют так в наших войсках. Получив ответ, что Киев получил на это разрешение в Москве на довольно высоком уровне, Г. Бурбулис удивился и сказал, что над этим надо подумать. Правда, каких-либо мер, препятствующих проводимой Украиной работе в Западной Группе Войск, насколько мне известно не принималось, и нашей делегации требовалось учитывать складывавшуюся обстановку с тем, чтобы и эти дополнительные трудности преодолевать в ходе переговоров.

☼☼☼

Первая официальная встреча наших правительственных делегаций состоялась в Москве 2 июня 1992 года в зале Коллегии Министерства иностранных дел.

Следуя обычной практике, я предложил В. Борисовскому изложить свою позицию первым. Он вновь подчеркнул заинтересованность Украины как можно скорее разблокировать финансирование Программы жилищного строительства путем заключения соглашения с Россией, и затем главное внимание уделил обоснованию того, что основой для решения финансово-экономических аспектов возникших проблем должны были быть имеющийся план и место проживания, будущее гражданство военнослужащих, возвращающихся из Германии. При этом он заявил, что по оценке Киева, 40 % офицеров и прапорщиков Западной группы войск хотят избрать местом такого проживания Украину. Какими-либо материалами эта цифра подтверждена не была, но не в этом была суть дела.

Я в ответ подчеркнул необходимость руководствоваться в наших переговорах базовым Советско-германским соглашением от 9 октября 1990 года. Пояснил, что квартиры, строительство которых финансируется Германией, должны предназначаться исключительно для военнослужащих и членов их семей, выводимых из Германии в составе органов управления, частей и подразделений Западной группы войск. Что же касается самих этих войск, то их вывод производится в соответствии с решением Президента СССР от 15 октября 1991 года, изменившим первоначальные планы дислокации возвращающихся контингентов и предусматривающем размещение подавляющей их части на территории России. Я зачитал это решение и предложил В. Борисовскому ознакомиться с ним.

В. Борисовский слушал мое изложение с нарастающим раздражением. Он взял протянутую мною копию Распоряжения Президентов СССР и РСФСР, бросил на написанное в ней беглый взгляд и вдруг резким движением швырнул ее обратно в мою сторону. Подчиняясь законам аэродинамики, лист бумаги взмыл вверх и затем, плавно покачиваясь, опустился на середину стола. Следя за его траекторией, я мысленно представил себе возможную другую и возрадовался, что в наше время мы пользуемся для письма бумагой, а не глиняными табличками.

– Такой документ, – заявил В. Борисовский, – руководству Украины неизвестен, и украинская сторона не может считать себя связанной им.

Я заметил на это, что возможной причиной того, что документ в свое время не доводился до сведения украинского руководства было то, что в нем не содержалось никаких поручений УССР. Это, однако, не меняет с правовой точки зрения того факта, что было Распоряжение общесоюзного значения, поскольку исходило от Президента и Верховного главнокомандующего единого тогда государства. Стало быть, оно имело обязательную силу и для Украины.

– То, что вы мне дали, – сказал В. Борисовский, – это не официальная копия документа. Это ксерокопия, сделанная с неизвестно какой бумаги.

В этом В. Борисовский был отчасти прав. Документ такой важности, нам, конечно, требовалось довести до сведения нынешнего руководства Украины в виде официально заверенной копии. Сразу обещать что-либо на этот счет В. Борисовскому я не мог, поскольку для этого требовалось решение Президента, но про себя отметил, что этим непременно нужно будет заняться.

Разговор наш продолжался. Мы договорились, что наша делегация передаст украинской стороне данные о фактическом количестве военнослужащих Западной группы войск, выведенных на ее территорию, я также представил расчеты по уже полученным Украиной средствам в счет 7, 8 млрд. нем. марок. В свою очередь В. Борисовский обещал, что украинская сторона передаст свои данные с тем, чтобы после такого обмена сведениями продолжить переговоры.

По итогам встречи в Москве Б.Н. Ельцину была направлена обстоятельная докладная записка. Ее подписали министры обороны и иностранных дел. В докладной записке предлагалось передать Украине юридически заверенную копию решения Президента СССР от 15 октября 1991 года, а также сообщить, что в соответствии с этим решением, дальнейший вывод войск на украинскую территорию не предусмотрен. Со стороны Б.Н. Ельцина возражений не последовало, и мы приступили к работе по реализации внесенных предложений, как вдруг наши переговоры были подвергнуты одному из самых тяжелых испытаний.

☼☼☼

Случилось это в Дагомысе 23 июня 1992 года. Там встретились все высшие руководители России и Украины – президенты, председатели верховных советов, главы правительств. Были там и министры обороны. Я входил в состав российской делегации. Во время пленарного заседания, на котором я присутствовал, я обратил внимание на то, что министры обороны покинули зал, видимо, для отдельной беседы, чему я не придал большого значения. Однако спустя какое-то время меня попросили срочно выйти из зала, где проходило заседание.

В соседней комнате я увидел несколько генералов. На лицах тревога.

– Беда, Юрий Владимирович, – взволнованно начали они, – П. Грачев дал согласие министру обороны Украины на закрепление за нею 40% всех средств, выделяемых Германией на Программу жилищного строительства. Это катастрофа!

Генералы взялись настойчиво просить меня сразу же поговорить с П. Грачевым и пока может быть не поздно договоренность поломать.

Я был удивлен. В самом деле, речь шла о тех самых 40%, на которые всего три недели назад бездоказательно претендовала украинская делегация в Москве?! И вдруг!.. Впрочем, раздумывать было некогда, тем более что в это время невдалеке появился и сам П. Грачев. Я подошел, представился, поскольку до этого разговаривать с ним мне не приходилось. Сказал, что на получение 40% средств, выделенных Германией, у Украины нет никаких правовых оснований.

– Зато это дает решение проблемы и можно будет развернуть строительство жилья, – ответил П. Грачев и добавил: переговоры затянулись, а дело стоит.

– Вы, вероятно, знаете, – продолжал я, – что под обещание квартир в жилых городках украинские военные агитируют к выезду на Украину из Германии российских офицеров.

– Пусть едут, – заявил П. Грачев. – Мне все равно негде их селить.

-Это наши люди, – продолжал настаивать я, – и надо сделать все, чтобы они могли достойно вернуться на Родину.

П. Грачев задумался. Вместе с генералами, плотным полукольцом стоявшими за моей спиной, я с напряжением ждал решающего слова министра. Быть может, пауза показалась нам длиннее, чем она была на самом деле. Наконец, П. Грачев, пустив безадресно пару смачных слов, заявил, обращаясь ко мне:

– Исходите из того, что никакой договоренности между мною и украинским министром не было. Действуйте, как считаете нужным.

Мы пожали друг другу руки.

☼☼☼

Соответствующим образом оформленная копия Решения Президента СССР от 15 октября, полученная от Управления делами Администрации Президента, была передана нами Украине с нотой Министерства Иностранных Дел. В. Борисовскому я послал подготовленные генерал-лейтенантом В. Журбенко данные об общем числе офицеров и прапорщиков, выведенных на территорию Украины в составе частей и соединений: их было 7 015 человек, что составляло 7,4% от общего числа этой категории военнослужащих Западной группы войск, а именно на них распространялось действие специальной жилищной Программы. Я уточнял, что вывод войск Западной Группы Войск на украинскую территорию полностью завершен. Переслал я и сведения о выделенных германской стороной средствах, израсходованных на строительство жилых городков для этих лиц до того момента, когда финансирование было заморожено. Задействовано было 5,76% от общей суммы в 7,8 млрд. нем. марок. Следовательно, Украина имела право получить еще 1,64 % (127,92 млн. марок) из выделенных ФРГ средств. Мы ждали соответствующих данных из Киева, а также сигнала от В. Борисовского о продолжении переговоров, тем более что с учетом очередности, теперь мы должны были ехать в столицу Украины. Но В. Борисовский молчал.

☼☼☼

Тем временем в Москву прилетел для переговоров с П. Грачевым высокий представитель Германии. Министерство обороны пригласило меня принять участие в их переговорах. Они происходили в форме пленарного заседания. Две делегации в полном составе собрались в большом зале Министерства обороны. Количество генералов, расположившихся на нашей стороне стола, было впечатляющим. Среди этого множества мундиров я один выделялся своим штатским костюмом.

Вопрос о выводе наших войск из Германии был, конечно, самым важным. С него и начались переговоры, П. Грачев заявляет: Программа строительства военных городков для уходящих из Германии войск остается блокированной, финансирование этой программы заморожено. И дальше он произносит: если положение не изменится, если выводить войска будет некуда, войска останутся в Германии.

Это может быть и не совсем точная цитата, но смысл сказанного был именно такой, и сказано это было четко.

Что мог думать представитель ФРГ, слушая эти слова? Дата вывода войск из Германии определена международными соглашениями. За выполнением этого обязательства следит весь мир. Его нарушение неизбежно повлекло бы грандиозный скандал. Трудно представить себе все это. Но русские люди непредсказуемые. Смогли же они разрушить такое государство как Советский Союз?! Вместе с тем, если слова П. Грачева рассчитаны на то, чтобы Германия разблокировала финансирование программы строительства жилых городков, то этого ни гость из Германии, ни все германское руководство обещать не могли. Их решение ждать, когда Россия и Украина поделят между собой причитающиеся им средства на строительство городков непоколебимо: в Бонне твердо намерены ждать и не вторгаться в переговоры между Москвой и Киевом, что бы ни доносилось из этих столиц. Поэтому германский представитель счел за благо ничего не отвечать П. Грачеву.

Я не знал, было ли столь важное заявление П. Грачева санкционировано сверху, то есть Президентом, или это было его собственное творчество. Вместе с тем, было очевидно, что чем дальше уходило время, тем труднее становилось его положение, как министра обороны. Выводить войска действительно было некуда. Поэтому даже с риском быть дезавуированным событиями у П. Грачева было немало побудительных причин, для того чтобы сказать то, что он сказал, и чтобы, сказанное им было услышано не только в Германии, но и людьми, которыми он командовал.

Я выходил из Министерства обороны с еще более жгучим, чем когда-либо ощущением ответственности за переговоры, оказавшиеся на плечах делегации, потому что только завершение этих переговоров могло дать ответ на вопрос, приобретавший все большую остроту.

Можно ли было ускорить завершение этих переговоров? Несомненно. Достаточно было дать согласие на ту пропорцию раздела германских средств между Россией и Украиной, к которой мы уже подошли на переговорах к моменту упомянутых выше переговоров. Я не помню, какой она точно была эта пропорция на тот момент, но помню, что она все еще оставалась далекой от справедливой. Помогла бы в этих условиях спешка делу? Я был убежден, что нет. Еще и потому, что за каждым процентом скрывались то самое жилье, которое было остро необходимо возвращавшимся из Германии офицерам и их семьям.

Как министр обороны не мог выводить этих людей в открытое поле, так и я не мог лишать их того, на что они имели право. К тому же никто в Москве меня к этому не подталкивал. И переговоры шли своим чередом.

Правда, внимание к ним со стороны немцев возросло. Как-то меня посетил советник – посланник германского посольства, затем приехал гость из Германии. У меня не сохранилось записей, кто это был, но, рекомендуя мне принять его, мои военные друзья представили его как человека, несущего основную ответственность за использование выделенных на Программу средств. Оба посетителя вели себя очень корректно, соблюдая все правила нейтрального отношения к ведущимся переговорам и не ставя никаких нескромных вопросов. Я тоже не стремился использовать беседы с ними для того, чтобы навалиться на наших украинских партнеров или даже втягивать посетителей в обсуждение конкретных деталей. Акцент я делал на разъяснении занятой нами правовой позиции. Мне представилось это более эффективным и более адекватным немецкому восприятию вещей. Видимо это было правильным, потому что гость из Германии, мягко улыбнувшись в конце беседы, заметил, что наш правовой подход ему понятен. Вместе с тем в поведении, в вопросах и скупых высказываниях сквозили озабоченность и растущее беспокойство за возможный исход переговоров. Это было видно и по высказываниям дипломатов из немецкого посольства в Москве, которое стало время от времени приглашать меня к себе на протокольные мероприятия. Все это было понятно: наши с украинцами переговоры прямо касались проблем, имевших огромное значение для Германии, а поступавшая в Германию информация о переговорах как от нас, так, видимо, и от украинцев вызывала у них все больше сомнений, что эти переговоры смогут привести к соглашению.

☼☼☼

Наконец, последовал долгожданный сигнал из Киева. Он пришел не ко мне, а в наше Министерство обороны. Туда В. Борисовский обратился с просьбой быть принятым П. Грачевым или кем-то еще из руководства. Ни нашей делегации, ни мне как ее руководителю, украинцы ничего о своем приезде не сообщили. Объяснение такого поведения было простым: после разговора двух министров обороны в Дагомысе В. Борисовский ехал для того, чтобы оформить то, что в Киеве считали достигнутой договоренностью. Наша делегация Киев больше не интересовала.

Мы, однако, решили дать знать через посольство Украины, что готовы принять украинскую делегацию для продолжения переговоров в тот день, который был назван Киевом Министерству обороны. Предложили мы и время начала таких переговоров с таким расчетом, чтобы у украинцев была возможность до этого побывать в Министерстве обороны. Я передал также через посольство Украины В. Борисовскому и всем с ним прибывающим из Киева приглашение на обед после окончания переговоров. Местом и переговоров, и обеда мы выбрали малый особняк МИДа на улице Спиридоновка. На все это мы также не получили из Киева, как говорится, ни ответа, ни привета: протокольные тонкости, видимо, мало кого там теперь заботили. Тем не менее, в назначенный день и час

наша делегация собралась в особняке на Спиридоновке. Мои военные коллеги держали связь с Министерством обороны, куда и направился В. Борисовский со своими спутниками сразу после прибытия в Москву. В Министерстве обороны принять украинскую делегацию было поручено одному из заместителей министра, который должен был, исходя из моего разговора в Дагомысе с П. Грачевым, дать совет украинцам отправиться в особняк МИДа для продолжения переговоров с Российской правительственной делегацией.

Я не знаю, как именно проходила эта встреча В. Борисовского с заместителем министра обороны. Нам просто дали знать сразу же, как эта встреча завершилась, из чего следовало, что разговор там был короткий. Но ждать появления украинских гостей в особняке нам пришлось намного дольше, чем то время, которое было необходимо для переезда от Министерства обороны до Спиридоновки. Видимо, они держали совет насчет того, как быть перед лицом такого неожиданного для них поворота дел. Но они появились. Немного смущенные, но достаточно хорошо владевшие собой, чтобы изобразить радость долгожданной встречи со старыми друзьями.

Неудача с попыткой решить проблему за спиной нашей делегации, конечно, не могла не возыметь эффекта на наших украинских партнеров. Переговоры им приходилось продолжать от той точки, на которой они находились после нашей встречи в июне. Однако и в этих условиях разговор получился трудный. Разумеется, о закреплении за Украиной 40% средств, выделяемых Германией, не могло быть и речи. Несмотря на все усилия украинских эмиссаров, поработавших в Западной группе войск, Киев не сумел набрать такое число офицеров и прапорщиков, намеревавшихся в индивидуальном порядке выехать на Украину на постоянное место жительства, которое, хотя бы издали, приближалось к пропорции в 40%., не говоря уже о том, что сам этот подход был юридически необоснованным. Тем не менее, украинская делегация настаивала именно на таком подходе и, постепенно уменьшив свои требования в отношении доли из выделяемых Германией средств до 17,3%, эту позицию взялась отстаивать столь жестко, что это было похоже на ультиматум. Наши ссылки на то, что эта позиция несостоятельна ни с какой точки зрения, результата не имели. Наши выкладки насчет реально выведенных на Украину частей и соединений игнорировались. В качестве последнего усилия мы дали понять, что если бы разговор принял по-настоящему деловой характер, мы могли бы проявить гибкость (имелась в виду наша запасная позиция в виде согласия на строительство на Украине домостроительного комбината, что облегчило бы Украине решение вопросов обустройства собственными силами семей военнослужащих украинской армии). Однако наши гости не только не откликнулись на это, но и прозрачно намекнули, что в создавшейся ситуации Киев, скорее всего, перенесет решение вопросов, над которыми работали делегации, на уровень президентов России и Украины.

После этого нам осталось только одно – пригласить гостей к обеду. Повара на Спиридоновке постарались, обед удался на славу и прошел, как принято выражаться, в теплой дружественной обстановке. Мы условились на прощание следующий раунд переговоров провести в Киеве. Вместе с тем над всей нашей работой нависло теперь украинское намерение прямо вовлечь в разговор президентов двух стран. Стало быть, потребовалась особенно тщательная отработка докладной записки Б.Н. Ельцину о состоянии дел и о занятой нами позиции. Записку подписали министры обороны и иностранных дел. Она была внимательно изучена Президентом, причем свое одобрение он выразил в резолюции, написанной 21 сентября от руки прямо на докладной: "С позицией согласен".

☼☼☼

Разрыв между подходами России и Украины в переговорах, если взять их чисто финансовый аспект существенно сократился. Речь теперь шла о разнице между 7,4% средств, выделяемых Германией, которые мы соглашались закрепить за Украиной, и

17,3%, что было заявлено украинцами как о последней позиции на переговорах в Москве 26 августа. Мне представлялось, что это создавало предпосылки для решающего разговора и компромиссного решения. С этой целью я посылал сигналы-вопросы в Киев: когда же можно ждать согласия Украины на продолжение переговоров. Мы исходили из того, что эти сигналы сами по себе должны были восприниматься в украинской столице как наше желание завершить долгие наши разговоры взаимоприемлемой договоренностью. Киев молчал, а что касается В. Борисовского лично, то он вообще исчез с горизонта. Так продолжалось долго пока не произошло опять-таки нечто непредвиденное.

Из Киева последовал звонок с просьбой ко мне принять… нет, не делегацию, не В. Борисовского, а полковника Малиновского Сергея Николаевича. Без каких-либо пояснений насчет его полномочий и целей его приезда. Как это понять? Впрочем, чего гадать. Я даю согласие, и вскоре полковник входит в мой кабинет. Он среднего роста, спортивного вида, веса наилегчайшего, подвижный с быстрой реакцией. В переговорах полковник участвует, начиная с самой первой встречи. Поэтому в разговоре один на один я имею основания сказать ему:

– Вы лучше, чем кто-либо знаете, что закрепление за Украиной 7,4% от общей суммы в 7, 8 млрд. нем. марок – это хорошо обоснованная позиция.

– Да, отвечает собеседник, но мне нелегко будет получить согласие украинского правительства, на подписание соглашения с Россией, если после переговоров, которые длились девять месяцев, я вернусь в Киев с пустыми руками. Крайне важно, – продолжает он, – чтобы Россия сделала в отношении Украины какой-нибудь встречный шаг.

Итак, разговор, наконец-то приобретает деловой характер. Наступает момент, когда, кажется, можно надеяться на договоренность, и я пускаю в дело нашу запасную позицию. Она касается домостроительного комбината.

– Вы помните, – говорю я полковнику, – наши дискуссии насчет домостроительного комбината.

– Конечно, помню.

– Один такой комбинат первоначально предполагалось создать на Украине, чтобы ускорить строительство жилья. Поскольку резко сократилось число создаваемых на Украине городков, спорным стала и целесообразность выделения средств на создание комбината. А средства это немалые –сто пятьдесят миллионов марок. Вместе с тем, поскольку возможность создания комбината первоначально все-таки предполагалась, причем без увязки с конкретными объектами, вы высказывались в пользу выделения Украине денег для этого.

– Да, это так.

– Я готов, – говорю я Малиновскому, – предложить Российскому правительству пойти в этом вопросе навстречу Украине. Решит ли это всю нашу проблему?

Мой украинский коллега доволен. Отвечает: – Думаю, что в принципе решит, но у нас будет к России одна просьба.

– Какая?

– Комбинат, – говорит полковник, – нам действительно в изменившихся обстоятельствах не нужен. Поэтому деньги, предназначенные для него, нам хотелось бы использовать для строительства жилья для украинской армии. Жилые дома думаем построить в Киеве. Поддержите нас в этом перед Германией.

Я спрашиваю полковника, можно ли будет считать, что в случае нашего согласия с этой просьбой мы будем считать – и Россия, и Украина – что вопрос о реализации на территории Украины специальной Программы жилищного строительства для выведенных на ее территорию войск из Германии будет рассматриваться полностью и окончательно урегулированным.

Полковник отвечает утвердительно.

– В таком случае, – говорю, – я не только предложу Российскому правительству поддержать вашу просьбу, но и рекомендую прямо записать нашу общую с вами позицию на этот счет в соглашение, которое явится результатом всех наших переговоров и будет передано ФРГ.

Полковник благодарит.

– Тогда нам осталось все наши договоренности положить на бумагу в виде проекта соглашения, которое мы представим на рассмотрение руководства двух наших государств.

Полковник согласен. Вместе с коллегами их Министерства обороны мы готовим проект такого соглашения. Времени на это уходит немного.

Мы прощаемся с украинским гостем. Наша делегация в восторге: особенно полковники В. Петров и В. Богославский. Они чувствуют себя крестными отцами переговоров. По праву, если вспомнить наш с ними первый разговор. В. Петров говорит, что не мог себе представить всех сложностей, через которые пришлось пройти. Я, признается он, даже начал сомневаться в возможности удачного финала.

Конечно, все было необычно, сложно и трудно предсказуемо, но большое значение имела, конечно, исключительно дружная работа нашей делегации, особенно ее активной части, и товарищеская атмосфера во взаимоотношениях между всеми, кто повседневно занимался переговорными делами.

Теперь главное было позади. Генерал-лейтенант В. Журбенко просит у меня согласия на то, чтобы он сам, лично, доложил результаты переговоров П. Грачеву. Я не возражаю. Я благодарю всех соратников и в их числе моих верных мидовских сподвижников: помощника В. Сорокина и первого секретаря В. Леженя. По результатам переговоров министры обороны и иностранных дел подписали 30 ноября докладную записку Б. Ельцину, в которой, в частности говорилось, что эти переговоры привели к снижению доли Украины в выделяемых Германией средствах по Программе жилищного строительства с 52% до 9,67%. Это давало России выигрыш в 3 млрд., 457 млн. немецких марок. В то же время обосновывалась и целесообразность нашего встречного Украине шага, дававшего ей возможность не только получить средства, предназначавшиеся на строительство домостроительного комбината, но и использовать их на строительство жилья для военнослужащих в украинской столице. С учетом изменившейся после ликвидации Советского Союза ситуации эти результаты расценивались как справедливые. "Урегулирование этого вопроса, подчеркивалось в докладной, открывает возможность для реализации в полном объеме чрезвычайно важной для нашей армии и государства программы жилищного строительства для вооруженных сил России за счет средств ФРГ". Представленный Б.Н. Ельцину проект российско-украинского соглашения был им одобрен 7 декабря, и мне было поручено проинформировать украинское правительство о нашей готовности подписать его. Я это сделал 16 декабря в письме на имя Л.Д. Кучмы, который был тогда премьер-министром Украины. Руководство Украины также одобрило проект соглашения. 22 декабря оно было подписано министрами обороны двух стран.

24 декабря я пригласил посланника посольства ФРГ в России Хайкина и сообщил ему, что переговоры между Россией и Украиной завершены подписанием соответствующего соглашения. Посланник видимо, совсем разуверился, что дождется такой новости, и у меня было впечатление, что он отнесся к ней с недоверием, хотя русский язык он знал неплохо. Да, да, подтвердил я, мне поручено вручить вам на этот счет ноту Министерства Иностранных Дел. Можете прочесть. После ознакомления с содержанием ноты Хайкин подчеркнул, что эта новость будет с большим удовлетворением встречена правительством ФРГ. Он не ошибся. Завершение этих российско-украинских переговоров развязывало крупную проблему, все более тяжелым грузом довлевшую на германское руководство и имевшую немалое международное значение.

Финансирование специальной Программы жилищного строительства было возобновлено. Казалось бы все проблемы позади. Но Министерство обороны вновь бьет

тревогу. Что же теперь? Оказывается где-то в коридорах власти – достаточно высоких – родилась идея потребовать от Германии перевести все причитающиеся России на осуществление программы валютные средства в Россию (не помню в какое именно финансовое учреждение, но дело не в этом), чтобы потом уже по указанию нашего министерства финансов соответствующие расходы оплачивались в рублях. Министерство обороны было обеспокоено. Оно никак не хотело превращать все валютные средства в рубли, выводить эти средства из-под двойного контроля – нашего и ФРГ – и ставить выполнение программы в зависимость от российского финансового учреждения, каким бы оно ни было. Министерство обороны просило помощи МИДа. Мне непросто было оценить все финансовые аспекты возникшей проблемы, но было очевидно, что родившийся где-то в недрах российского ведомства план, во всяком случае, таил в себе нарушение договоренностей с ФРГ о порядке осуществления Программы, то есть нарушение наших международных обязательств с риском нового замораживания финансирования Программы. Я доложил свое мнение, и МИД поддержал Министерство обороны. Схема использования выделенных ФРГ средств осталась без изменений.

Некоторое время спустя, полковник В. Богословский предложил мне войти в состав российской делегации, которая в марте 1993 года должна была вылететь в Германию для участия в заседании Совместного российско-германского комитета по выполнению Программы жилищного строительства и обустройства российских войск, возвращавшихся из Германии. Возглавлял делегацию заместитель Министра обороны генерал-полковник Топоров. Я заметил на это, что с окончанием переговоров с Украиной моя миссия завершена, и в Бонне у меня не может быть никакой роли.

– Воспринимайте это приглашение, – услышал я в ответ, – как признательность вам со стороны российской армии.

Поездка в Бонн была интересной и важной. Там был окончательно согласован перечень жилых городков, подлежащих строительству в России, и другие организационные вопросы форсированного осуществления Программы. На главном протокольном мероприятии – оно было организовано в знаменитом замке Петерсберг – мы оказались за столом рядом с полковником В. Богославским. Под ярким светом люстр зал сверкал золотом и хрусталем. Звучали красивые тосты, и мы с моим соседом сожалели только об одном: с нами не было полковника В. Петрова. Нелепая смерть в автокатастрофе безвременно оборвала жизнь этого прекрасного человека.

☼☼☼

Финансирование Программы было возобновлено, но объем организационных и строительных работ был столь велик, что немцы не без скептицизма наблюдали за тем, как действовали наши военные строители. А они – это были те самые мои соратники по переговорам – действовали настолько превосходно, что уже к осени 1993 года возникла реальная возможность завершить вывод российских войск из Германии на полгода раньше намеченных сроков. Это и было решено сделать во время визита в Москву канцлера ФРГ Г. Коля. Что же касается немецкой стороны, то она в знак признательности выделила России на жилищное строительство для военнослужащих выводимых из Германии, дополнительные 550 млн. нем. марок.

☼☼☼

В рамках специальной Программы в России было построено 25 жилых городков (из общего количества – 34) на 28 052 квартиры (из общего количества 38 549), также один домостроительный комбинат.

А что же украинцы? Как были восприняты итоги переговоров на берегах Днепра? Уже будучи послом в Украине, я разговорился на эту тему с генерал-полковником И. Бижаном. Во время наших переговоров он был первым заместителем министра обороны Украины и отвечал за дела с Россией.

– Эти переговоры, – заявил он мне, – дали прекрасный результат. На средства, полученные от Германии по их итогам, – продолжал он, – Киев украсился целым кварталом отличных, европейского класса (так говорили тогда в украинской столице) жилых домов.

Значит, подумал я, слушая Бижана, воистину победила дружба – самый лучший финал дипломатических переговоров и дипломатической деятельности вообще.

Вместо эпилога

Переговорам, которым посвящен данный очерк, суждено было стать первым опытом решения сложных проблем между Россией и Украиной, порожденных ликвидацией Советского Союза. Опыт был удачным, и помимо большой значимости достигнутых конкретных договоренностей, помог в работе по урегулированию еще более крупных вопросов между двумя странами, таких как судьба ядерного оружия Советского Союза в Украине, будущее Черноморского флота и разработка российско-украинского Договора о дружбе и сотрудничестве[†].

[†] Выражаю глубокую признательность за помощь в подготовке очерка начальнику Управления контрактного строительства и инвестиций Министерства обороны Российской Федерации Владимиру Николаевичу Богословскому.